

IN MEMORIAM

Ю.А.Левада

“Научная жизнь - была семинарская жизнь”

– Если говорить о моем пути в науку, то никакой особой подготовки, никакой школы у меня не было. И я не уверен, что исходные данные что-нибудь освещают. Я провинциал, приехал из Винницы учиться в Московский университет. Приехал с наивной надеждой, что на философском факультете действительно станешь философом.

– *Юрий Александрович, из какой вы семьи, кем были ваши родители?*

– Мать журналист, отец литератор. Интерес к философии – наивный интерес, просто из домашней библиотеки. У нас были тома истории философии; первый я прочитал в девятом классе, но на Аристотеле запутался – не сумел разобраться в его категориях. Однако было представление, что в МГУ чему-то научат.

Надо сказать, что к учебе на философском факультете меня побудила вовсе не любовь к философии. Просто было тогда – странное, мальчишеское – представление, что есть места, где должны говорить “настоящую правду”. Было ощущение того, что газеты, школа, пропаганда врут, но делают это потому, что так “надо”, а вот где-то и кто-то должен знать подлинную правду. Кто именно? Как мне тогда казалось, – либо дипломаты, либо философы. Вариант поступления в международный вуз высмеял один старый друг семьи, причастный к этой сфере. Остался вариант философского факультета, туда я и подался летом 1947 года. Разочарование в том, чему, кто и как нас учил, пришло довольно быстро - но не в самой студенческой жизни. В те годы через факультет проходил “сильный пучок” интересных людей – ни раньше, ни позже, кажется, такого “парада планет” не было. Но со многими я сходилась значительно позже.

– *В силу особенностей характера?*

– Беда моя была в том, что у меня не было связей в московских интеллигентских кругах. Первоначально я жил в общежитии, там в большинстве были ветераны. В наше время примерно половина набора состояла из демобилизованных из армии. У них был свой стиль, свое отношение к жизни. Это влияло и на меня.

Меня восхищали простые прямые парни, прошедшие фронт и где-то увлекшиеся тем, что тогда называли философией марксизма. Это мне долго мешало самостоятельно думать и сомневаться в том, в чем давно сомневались другие.

– *А каков был круг ваших интересов?*

– Интересовался я социально-политическими вещами, философия в чистом виде меня не заинтересовала и даже наоборот – породила отвращение (правда, через много лет я сам к ней стал обращаться). А во время учебы я практически занимался проблемами социальных изменений.

– *Какие это годы?*

– Университет я кончал в 52-ом году, аспирантуру – в 55-ом. В конце обучения стал интересоваться Китаем (там тогда были перевороты), наполовину выучил язык и писал диплом и диссертацию об особенностях китайской революции, китайского общества. Это свело меня с проблемой азиатского общества, и через Карла Витфогеля я попал к Веберу. Вот такие были у меня выходы в теорию. Влияние каких-либо философских школ я не могу заметить, потому что чистой философией, повторю, не любил заниматься. Кое-что урывками слышал о социологии, которой нас не обучали, и никакой специальной литературы у меня не было.

Конечно, интересы и позиции формировали не учеба и не научные занятия, а прежде всего потрясения 1953-1956 годов – “оттепель”, потом XX съезд, мелькавшие надежды и неосуществимые ожидания. Я не скоро понял, что подлинной правды, за которой пришел в

Москву, ни у кого и нет. В 1948-49 годах мне казалось важным и интересным следить за происходящим в “странах народной демократии”, чтобы понять, как и что было или могло быть у нас. Потому и появился интерес к Китаю.

Позже я работал в Институте китаеведения (был тогда такой институт), поехал в Китай и там впервые пытался заняться социологическими исследованиями. Правда, массовые обследования мне проводить не позволили, но некоторые самодельные (примерно на десяти предприятиях) я сделал. Дальнейшая работа по Китаю стала невозможна из-за обстоятельств внешнеполитического плана. В 1960 году я перешел в Институт философии и поначалу занимался социологией религии. На эту тему у меня была диссертация и книжка “Социальная природа религии” (1965).

Потом стал организовываться осиповский отдел, образовали сектор методологии – и я туда перебрался. Вот это и есть начало более серьезной работы в социологии и собирании людей, с которыми я и сейчас работаю. На базе отдела создали ИКСИ, там нас в секторе теории было примерно 12-14 человек (с аспирантами), и мы старались тогда развивать традиции самостоятельного анализа социологии, а также смежных дисциплин.

– *Обстановка в институте способствовала такому самостоятельному анализу?*

– ИКСИ того первоначального периода – странное явление на фоне казенно-академических заведений типа институтов философии, истории, экономики и т.д. Там служили, исполняли планы, писали отчеты, а тут (не все, но все же актив) что-то искали. Правда, разное. Кто-то – чины (в те времена пробиться к титулу какого-нибудь членкора было трудно и казалось почетным). Кто-то видел в новом институте инкубатор для выращивания прогрессивно-политических (по тем временам, то есть партийно-либеральных, умеренно-рыночных и пр.) концепций. Я тогда в политический прогресс на нашей ниве не верил и рассчитывал только на то, чтобы развить интерес к серьезному социальному знанию, – полагая, что оно пригодится через 30 или 50 лет будущим поколениям. Были тогда (и позже, в другие времена) споры с коллегами и приятелями о том, стоит ли заниматься книжными премудростями зарубежного происхождения, которые даже самое либеральное начальство не поймет. Думал (и думаю), что стоит, хотя бы для того, чтобы не повторять чужих пошлостей. Но, наверное, я недооценивал тогда перспективы перемен, которые потом свалились на голову.

В те же времена, с осени 1966 года, начался наш регулярный семинар на темы социальные, теоретико-экономические, семиотические, культурологические, исторические и прочие, который с различными перипетиями продолжался довольно долго. Это был не некий “теневого” семинар, а вполне обычный, нормальный. Скорее, это была главная форма жизни сектора – еженедельно, иногда и чаще собираться для обсуждения тех или иных проблем. Семинар имел достаточно большой авторитет, потому что у нас бывали практически все, кто считался в те годы наиболее яркими людьми. Скажем, Пятигорский, Аверинцев, Гуревич, Баткин, Иванов, Шляпентох, Щедровицкий...

– *У Щедровицкого в то время был свой семинар?*

– Да, я скажу об этом позже. Я немного участвовал в его семинаре и отчасти взял за образец саму идею, что научная жизнь – это семинарская жизнь. У меня семинар никогда не был административными заседаниями, хотя был вполне официальной структурой (в отличие от неофициального у Щедровицкого). По сути, он стал как бы продолжением семинара, существовавшего еще в Институте философии (по философии истории).

Работа эта к концу 60-х годов затруднилась по обстоятельствам общего порядка, для меня довольно случайным. Случайным, потому что я был приглашен в университет читать лекции по социологии на факультете журналистики (где-либо еще таких лекций не читали). Меня это заинтересовало. Примерно года четыре я читал там курс лекций собственного изобретения – довольно примитивный, популярный. Так бы, видимо, это и продолжалось, если бы не пришла в голову мысль его издать. Издали в виде двух книжечек с помощью ИКСИ (уже в 1969 году). И очень скоро (тем же летом) это вызвало скандал, собственно, стало формальным началом шума. Сами по себе эти вещи такого шума не стоили, я им

особого значения никогда не придавал. А шум получился, потому что в течение трех-четырёх лет (тогда и можно было работать) в стране было междуцарствие, некий свободный промежуток, когда то ли не до того было, то ли власти еще не определились – один (Хрущев) ушел, второй (Брежнев) еще не отстоялся у власти; а в 69-ом, после Чехословакии, власти, собственно, определились, и началась серия зажимов в разных областях, в частности, волна дошла и до ИКСИ. Им очень не нравилось, что во главе института стоял главный либерал тех времен Румянцев и что там можно было работать, спорить, думать. Само по себе – ничего особенного, но отличавшееся от принятых тогда стандартов.

– *Лекции стали поводом?*

– Да, “им” надо было прикрутить всякую чуть-чуть либеральную мысль и прикрутить ИКСИ, который вообще не нравился нашим официальным философам. Считалось ведь, что нет никакой социологии, отличной от философии; философия – это истмат и диамат, и ничего другого быть не может и не должно, все будет извращением. Потому и история с лекциями стала столь скандальной и приобрела довольно странный характер. Ко мне приходили люди, вроде бы мои добрые начальники и просто приятели и говорили: “Ты, главное, веди себя спокойно. Иначе всем будет плохо. Что-то признай, в чем-то покайся. Тогда мы останемся жить, сохраним институт, вместе будем работать дальше, все перемелется”.

Все это искажало картину, потому что, с одной стороны, нельзя было не считаться с людьми, дело ведь было не во мне лично; с другой стороны, – не пойдешь и против себя. Поэтому я вел себя тогда, к моему сожалению, достаточно сдержанно. Очень мало отвечал по существу, хотя отвечал. Было несколько попыток сказать, что, в конце концов, решительно ничего злодейского в лекциях нет. Есть некоторые методические недочеты, что-то недостаточно отредактировано, есть двусмысленности, может быть. Например, была одна популярная лекция на тему о сложности личности и примитивности общества (грубо говоря, так). И там содержалась фраза, которая жутко “цепляла”, вела к скандалу: что в наше время личность подвергается разного рода давлению – со стороны власти, массового общества, рынка, и танками пытаются ее задавить... Фраза эта была сказана в 1966 году и не заключала политического смысла. Но в 1969 году она была расшифрована как “чехословацкая” фраза, и отсюда шло многое. Потом стали говорить, что я допустил идеологические и политические ошибки. Или была в этой книжке страница, где сравнивались Гитлер и Сталин, причем достаточно сдержанно. В основном обыгрывалось одно высказывание, которое почти буквально совпадало у обоих: что человек – ничто, а масса, народ – все, “народ бессмертен”. Не знаю, кто первый это произнес, или “позаимствовали” друг у друга, важна сама мысль. Еще что-то, видимо, “цепляло”, но критиковали ведь не за то, что имели в виду, а за другое.

– *Юрий Александрович, говорят, что главным инициатором этого шумного обсуждения был В.Н.Ягодкин. Или кто-то еще за ним стоял?*

– Да, Ягодкин. В то время он был секретарем парткома МГУ и наводил на весь университет много страха. Известно было также, что он пользовался поддержкой властей, потому что начал делать карьеру (он стал московским идеологом) не без такого момента, как именно критика моей деятельности. Ну, последовал целый ряд взаимосвязанных и друг друга подогревающих событий. Устроили обсуждение лекций в разных местах. Главным было - в Академии общественных наук осенью 1969 года. В течение недели велась “операция” с множеством народа и большим шумом. В основном обвиняли в том, что мы протаскивали всякие “отклонения”. Я еще работал в университете, Ягодкин поднял скандал, много чего навесил на декана факультета журналистики Я.Н.Засурского (он и сейчас декан), заставил обсудить всю эту историю на парткоме. Само собой разумелось, что я должен уйти из университета. С некоторым сопротивлением, но мне пришлось принять тогда все эти условия. Потом было обсуждение у нас в институте, высказывались всякие упреки, наше руководство признавало, что оно недоглядело, “навесили” выговоры – на меня тоже.

– *Партийный?*

– Да, партийный выговор. Он у меня есть в коллекции. Вот создали такую шумную историю. А дальше... Дальше мы продолжали работу. Сектор сохранился, только печататься не давали.

– *Это было официальное распоряжение или негласное – никто не решался печатать?*

– Я никогда не слышал, что было какое-то распоряжение. Просто боялись. В "Вопросах философии", самом таком дружеском по отношению к нам органе, главным редактором был Иван Фролов, тогда молодой и считавшийся прогрессивным. Он сказал, что ни строчки против Левады не напечатает, но и его самого тоже печатать не будет (или не сможет). И сдержал оба эти обещания. А больше и негде было печататься. Были предложения изобразить какое-то покаяние. Я этого не делал никогда, с начальством сохранялась некоторая напряженность. Но непосредственно трогать нас в институте не решались – пока не ушел Румянцев. В 1971 году он ушел, фавор его в ЦК закончился – Суслов его невзлюбил, и Румянцев очень обиделся. Какое-то время был промежуточный период – и.о.директора стал Лапин. Но он ничего не решался делать: пакостить не хотел, а выкрутиться из положения не мог. Летом 1972 года пришел Руткевич. Тогда он имел и славу и силу главного погромщика социологии, он на этом делал карьеру, для чего специально и приехал из Свердловска. Стало ясно, что нам тут не жить, надо уходить. Я ушел. Потом все те, кто работал со мной, тоже разошлись в разные места.

– *Юрий Александрович, а были какие-то конкретные причины, чтобы уходить? Или это назревало медленно, постепенно?*

– Нет, все происходило довольно быстро. Ну, я знал о настроении, поведении Руткевича и сразу ему сказал, что думаю уйти. Он ответил, что уже договорился с Федосеевым о том, что я уйду. Сказал это с привычной ухмылкой, по-моему, с большим наслаждением. Поскольку за мной была слава злодея и висел выговор, уйти мне было не так просто, в некоторые места отказались брать. Потом помогли устроиться старшим научным сотрудником в ЦЭМИ, к Н.П.Федоренко (в частности, помог С.С.Шаталин, он тогда был заместителем директора). Первоначально со мной должны были перейти еще несколько человек, мне это обещали. Но потом не дали даже секретаря. Велено было, чтобы я был сам по себе. И вот так "сам по себе" я работал там 16 лет, занимался чем-то вроде социологии экономического развития, смотрел за тем, что делают экономисты. И все это время работал наш семинар. Каждые две недели где-нибудь мы собирались. Семинар был то узкий (помещался в одной комнате), то вырастал до нескольких сот человек. Тогда происходил какой-нибудь скандал, приходилось менять место. В ЦЭМИ нас то терпели, то боялись. Федоренко как-то сказал: "Один институт из-за вас чуть не разогнали. Пожалуйста, поосторожнее".

– *А кто посещал семинар?*

– Семинар был для своих людей, тех, что работали вместе и сейчас тоже работают вместе. Но временами, когда мы "разбухали" и появлялось помещение, набиралось 200-300 человек. Самые разные люди из старых знакомых, из новых, экономисты, историки, техники, физики. Были разные варианты семинара – узкого, широкого, "квартетного" типа. Работа его практически продолжалась непрерывно. Что обсуждали? Тогда, в 70-е годы, говорили, что существуют второе искусство и вторая наука. Второе искусство (неформальное искусство) – это театры-студии, малопризнанные писатели, поэты. Теперь все их имена известны. О второй науке можно говорить не строго, но в какой-то мере это существовало. Были направления околочеловеческой науки, которые не поощрялись. Политических течений там не было – просто были течения, отличавшиеся от признанных. Прежде всего, конечно, их представлял Щедровицкий. Семинарскую работу он начинал где-то в начале 50-х годов, сначала это называлось "Теория деятельности", потом "Система деятельности". У него был несколько меняющийся актив, но большой круг людей, которые вдохновенно работали много лет. Кто-то приходил, кто-то уходил. В начале 60-х годов я столкнулся с ним (мы когда-то учились на соседних курсах, но в то время не общались), стал ходить на этот

семинар, пару лет ходил, потом мы разошлись по методологии. Но сохранили добрые отношения. Щедровицкий иногда приходил к нам, людей присылал на работу, в аспирантуру (было немало интересных людей из того круга, с которым он работал). Очень часто в разных формах он излагал свою концепцию как историю своего кружка.

Были и другие направления. Скажем, течение диалектиков – на самом деле, это круг Э.В.Ильенкова, но организатором был Г.С.Батищев, у него много лет работал семинар. Были отдельные кружки – в основном связанные с формальной лингвистикой, долго не признаваемой, и семиотикой. И были не то чтобы цельные, но во всяком случае большие стремления развивать полупризнанную историческую культурологию (А.Я.Гуревич, Л.М.Баткин и некоторые другие). Наше течение продолжало традиции: приглашали самых разных людей, на перекрестке интересов строили представление, некую попытку культурно обоснованной социологии (до последних лет от эмпирической социологии я был очень далек, никогда ею не занимался).

– *В какой мере это могло быть второй наукой, кружковой?*

– В малой, наверное. Не могу преувеличивать, но, вероятно, какую-то нагрузку все это несло. Официальная общественная наука, официальная философия были дохлые (и сейчас, по-моему, являются таковыми), поэтому был интерес к нормальным, не идеологизированным, в принципе, на западный манер исследованиям. Во всяком случае, была необходимость исследовать реальность человеческого поведения, духа, метода, мысли, философии. Я сейчас встречаю людей, которые говорят, как это было тогда для кого-то полезно. Конечно, было чрезвычайно много ограниченного и наивного, не было заранее заложенного проекта. Сам я старался начитываться вместе с людьми, с которыми работал, в некотором смысле своими учениками. Что читал? В основном теоретическую социологию – Дюркгейма, Вебера, Парсонса – с какой-то примесью культурологии и иногда семиотики, больше нашей. Я не упомянул, но вы знаете, что была семиотическая школа, имевшая ответвления по стране. У нас с ними были очень близкие отношения, мы обменивались идеями, докладами. И она сыграла тогда большую роль в формировании людей знающих и умеющих думать оригинально. Но особой науки, по-моему, не создали. Вот, собственно, все по поводу атмосферы того времени.

Дальше начались у нас политические перетряски, стало интересно следить за актуальным развитием. Появилась надежда, что удастся его как-то изучать. В 1988 году соблазнили меня перейти в только что организованный ВЦИОМ, чтобы заняться там теорией общества и общественного мнения. Я собрал тех людей, которые были близко, с которыми мы работали, включая последнее время. Так появился отдел теории ВЦИОМ. Ситуация развивалась бурно, нам, как я думаю, удастся заниматься теорией очень мало: приходится щупать пульс у больного. И это довольно интересно.

– *Но если вернуться к той, “семинарской жизни”, не могли бы вы подробнее рассказать о тематике ваших семинаров, содержании докладов?*

– Я называл некоторых докладчиков. Мы “выращивали” своих людей, но, к сожалению, многим из них пришлось уехать. Это был период, повторю, неофициального развития, когда из социологии нас разогнали. Мы собирались, где удавалось. Тогда, в начале-середине 70-х годов, началась большая эмиграция. У нас было выражение: “такой-то человек записался в докладчики”. Значит он собирался уезжать. На семинаре выступали Пятигорский, Янов, Шляпентох – все они сейчас далеко (с разной степенью преуспевания). Был у меня такой сверхталантливый аспирант – Д.Б.Зильберман, самое яркое явление, удивительно широкого объема знаний и способностей человек. Я такого никогда ни раньше ни позже не видел. Он мог уверенно говорить обо всем: о социологии, фрейдизме, индийском мышлении. Он уехал в Америку – здесь работы для него не было – хотя уезжать не хотел. Года четыре там проработал и погиб – его задавил автомобиль, когда он ехал на велосипеде.

Практически все наши заседания рано или поздно приводили к тому, что я спорил со всеми докладчиками. Это была атмосфера всеобщих споров. Но было интересно, и никто не

обижался. Сказать, что мы что-то открыли, не могу. Была атмосфера свободного разговора на любые темы. Политической тематики у нас тогда не было, и мы ею не занимались, по крайней мере, на семинарах. В этот период имели место другие движения - диссидентское, эмигрантское, правозащитное. Прямо в круг этих людей мы не входили, но среди нас было очень много лично связанных с ними.

– *Не сохранились материалы тех докладов? Вы их не публиковали?*

– Мы очень много записывали тогда на магнитофон. А расшифровкой занимались мало, многое не перепечатывали. Некоторые рукописи оставались, велась хроника. Секретарем сектора, а потом семинара постоянно был Лев Гудков (сейчас он заведует моим бывшим отделом). Тогда он собирал материалы, и у него много чего есть. Я толком не знаю, что именно, потому что когда мы опять собрались вместе, времена пошли такие, что оглядываться назад было неудобно, надо было смотреть дальше, делать что-то новое. Во ВЦИОМе мы занялись новым для себя делом, влезли в него достаточно глубоко и поминать старые события просто не готовы.

– *Хотя вы несколько скептически смотрите на свою деятельность в тот период, тем не менее ваш семинар был местом общения, образования социологов.*

– Наверное. Я думаю, что мы собирали всех, кто пытался самостоятельно думать, знать положение дел в социальных науках. Были и такие, кто приходил просто из любопытства. Это неизбежно – двери у нас были открыты. А смотрю я на это, как вы говорите, скептически, потому что чего-то оригинального и серьезного создано не было. И весь круг идей – в основном идеи просветительские в области социологии, культурологии. Я думаю, что это было интересно не как открытие, а как движение, как способ общения, организации, вдохновения людей. Если смотреть современными строгими глазами, то здесь и наивности было много, и недостаточно образованности, потому что ведь наше поколение никто серьезно не учил. Мы сами учились всем этим предметам – плохо и мало.

Семинар, который нам удавалось вести более 20 лет, с небольшими перерывами, а точнее, трансформациями, был, как мне сейчас представляется, принадлежностью своего времени – времени старения общественно-политической системы, либеральных надежд, первых попыток прямого сопротивления, разложения официальной общественной науки. С середины 60-х годов расцвела неофициальная или полуофициальная разновидность интеллектуального общения – семинары, чтения, конференции. Общими приметами были нетрадиционность тематики, междисциплинарность, открытость обсуждения. Отсюда и притягательность для многих. Такие семинары действовали в Москве, Ленинграде, Новосибирске, еще в нескольких центрах.

Наш семинар не был строго социологическим, да и представления о строгих границах социологического знания не было, были попытки сочетать подходы современной теоретической социологии с новыми веяниями в культурологии, психологии, семиотике и т.д. Притом чаще любительские, чем профессиональные. Там культивировалось скорее “клубное”, чем “лабораторное” общение.

Для своего времени это было и естественным, и важным. “Семинарский” период, во-первых, помогал создавать новую атмосферу в социальных науках, расшатывать монополию казенной догматики, а во-вторых – собирать людей, которым хотелось серьезно и свободно думать о социальной действительности. Позже, как мне представляется, традиция неофициальных семинаров сыграла свою роль в появлении неформальных кружков и семинаров “перестроечного” типа, которые, в свою очередь, породили первые ростки нашего плюрализма – и так далее.

Некоторой параллелью может служить тогдашнее политическое движение (те же диссиденты). Если рассматривать его по существу, то требования были очень ограниченные, сформулированные не всегда в удачной форме; но как движение оно имело огромное значение. Некоторая аналогия здесь есть – не больше.

– *Вы следили за тем, что было в социологии на Западе?*

– Мы читали литературу. Реального обмена не было. Реальных людей с Запада мы почти не видели. И они на нас не смотрели. Мы даже не могли предположить, что дверь откроется так широко, как сейчас.

– *Какие социологические персоналии фигурировали в ваших обсуждениях тех лет?*

– Вся социологическая классика. И кроме того, современные течения типа современной культурологии, структурной антропологии. Это Леви-Стросс, Мердок, Миллер; немного психоанализа, хотя увлечения последним не было; немного лингвистики, в основном структурного плана; немного истории и теории религии. Здесь А.Пятигорский и школа И.Гофмана к нам были более или менее близки. И школа В.В.Иванова-В.Н.Топорова, учеников Ю.М.Лотмана. Тогда была попытка организовать структуралистское движение во всех областях. Возможно, вы знаете, что в 1962 году был симпозиум по знаковым системам в Москве, вышла маленькая книжечка материалов. Но на самом деле это был манифест, так как он декларировал создание новой социальной науки, построенной на точном семиотическом анализе. Было стремление и даже попытка создать институт семиотики. Все это потом забылось, а тогда было очень интересно. По тем временам, каждый шаг в сторону от официальной идеологии казался чем-то значительным и интересным – одним и, конечно, опасным - другим. Сегодня посмотреть – ну, вроде бы не очень серьезно, на Западе это знают, переворота не получилось. Но люди, которые шагнули в сторону, в стороне остались. Это было полезно. Разных людей могло вдохновлять разное. Вот такое было время.

– *А Мамардашвили участвовал в семинаре?*

– Ходил много раз. Он не был постоянным участником, но был очень близким нашим другом. Несколько раз, например, мы обсуждали его концепцию превращенных форм (есть такая его статья в “Философской энциклопедии”, она вошла в его сборники). Мы тогда спорили, я не соглашался с ним (и сейчас не соглашаюсь). Но это было удивительно интересно, как и все, что делал Мераб.

Сейчас, насколько я знаю, неформальных семинаров такого типа, какие были в 60-80-х годах, просто нет, их время прошло, потенциал такой формы интеллектуальной жизни исчерпан. Наш семинар замер и перестал действовать вскоре после того, как его ядро получило возможность совместно заниматься профессиональной работой в отделе теории ВЦИОМ; все попытки возродить семинар оказались неудачными.

Это тоже, по-моему, черта времени. Семинарская жизнь, расцветавшая в “полутьме” (полудозволенность, полузапретность, полупрофессиональность и т.д.), утратила смысл в новых условиях, когда стало возможным практически свободно работать, организовываться, публиковаться на “свету”. Беда в том, что мало кто сумел - да и захотел – реально этими возможностями воспользоваться. Это уже вопрос и психологии людей, и профессиональности, и экономических и прочих обстоятельств. Но в то же время это вопрос о судьбах определенной общественной группы, целого слоя (“прослойки”). Притом не только в социальных науках, но и в литературе, культуре, публицистике, прессе – во всех традиционных видах интеллигентской активности. Это большая и серьезная проблема, ее в двух словах не изложить. Очень трудным оказался переход от периода расшатывания идеологической монополии, расширения кругозора, осторожных намеков или дерзких выходов – все это принадлежности времени, которое, в частности, было отмечено как “семинарское”, – к периоду практической работы, научной, гуманитарной, да и политической тоже.

Оглядываясь назад, могу видеть множество слабостей, упущений, упрощений и прочее. Но что-то все же удавалось сделать или хотя бы обозначить “тогда”, а главное же, по-моему – удалось нащупать переход к пониманию того, что происходит с нами “теперь”. Мне кажется, что в последние годы мы с давними и недавними коллегами смогли описать и объяснить некоторые тенденции развития общества и человека, используя не только обильные эмпирические данные опросов, но и тот мыслительный, методологический материал, который был проработан “тогда”.